

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Н. Г. Баранец

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
n_baranetz@mail.ru

А. Б. Верёвкин

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
a_verevkin@mail.ru

**ОБ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ
ИСТОРИИ**

В статье анализируется эволюция методологического сознания историков в XIX—XX веках. Представлена смена исследовательских стратегий, вдохновляемых сменяющимися философскими влияниями. Отмечена оригинальность и сохраняющаяся актуальность методологической концепции А. С. Лаппо-Данилевского. Рассмотрено, как с 1940-х годов методология истории и эпистемология истории разрабатывалась в разных познавательных сообществах — историков и эпистемологов истории соответственно. Проанализированы причины различного понимания исторической объективности и методов объяснения К. Гемпелем и У. Дреем. Показано, что усилиями эпистемологов (И. Берлином, Г. Х. Вриггом, Э. Нагелем) дано полноценное описание условий и средств познавательной деятельности в исторической науке. Выявлен «зазор» между представлениями об исторической реальности, специфике исторической работы и методике исторического исследования «рядового» историка и оценками эволюции исторической методологии и тенденций в исторических дисциплинах эпистемологами, изучающими методологическое сознание историков. Отмечено, что до сих пор в отечественном историческом сообществе не преодолены опасения идеологического влияния. Закрепившееся в 1990-е годы недоверие к макроисторическим теориям привело к преобладанию описательных микроисторических исследований, не требующих глубокой методологической рефлексии. Указаны причины методологического нигилизма, присущего отечественным историкам.

Ключевые слова: эпистемология истории, историческое сообщество, критика источника, слабая и сильная версии исторической науки, исторический факт, объяснение, понимание, историческая объективность, исторический конструктивизм, методологическое сознание, методологический нигилизм.

В XX веке были созданы новые средства исследования исторических источников и артефактов, усложнилась методология отдельных исторических дисциплин. Это возродило надежды начала XIX века о возможности преобразования истории в соответствии с интересубъективной доказательностью, достоверностью и эвристичностью естественных наук. Эпистемологические споры XX века о познавательном статусе истории в сравнении с «точными науками» привели к более глубокому осознанию специфики процедур объяснения и доказательности

не только в социогуманитарном, но и естественно-научном познании. Но итоги философских размышлений о специфике методов получения и обоснования исторического знания, практик легитимации «исторических истин» в профессиональных сообществах оказались интересны немногим отечественным историкам. Большинство их сторонится тем эпистемологического статуса истории, конвенциональности и когерентности исторической истины. Избегание этих вопросов небеспричинно. Методологический нигилизм отечественных историков имеет

недавнее происхождение. Чтобы понять это явление, мы проследим путь становления методологического мышления историков и вспомним познавательные проблемы на нём. Мы разберём основные тенденции XX века в эпистемологии исторического знания и исследуем процесс осмысления проблемы научного объяснения в целом и конкретно в исторической науке. Вместе с тем мы изучим методологическое сознание отечественных историков и внешние идеологические факторы, повлиявшие на его ограничение. Мы обоснуем своё видение перспектив усиления эпистемологического статуса истории.

ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ИСТОРИКОВ

До конца XVII века мастерство историка мало отличалось от искусства поэта и оратора. Ценилось умение рассказать поучительную историю. В XVIII веке, с ростом моды на национальные истории, возникла историческая критика, выверявшая подлинность источников и обесценивавшая плоды риторического искусства. Г. Б. Мабли указал своё понимание научного исторического исследования: историк должен давать правдивые показания, правильно оценивать события и для этого знать естественное право и политику. В начале XIX века отдельные историки учили способам исторического построения — размещению фактов во времени и пространстве по законам драматургии. Исторические сочинения ими рассматривались как литературные произведения, ведь их читательский круг был гораздо шире узкого научного мира. В первой половине XIX века методы построения исторического текста стали подчиняться целям исторической науки. Немецкий идеализм повлиял на суждения историков о задачах и приемах их науки [14, с. 406—409]. Историк должен был оценивать факты в зависимости от задач истории. Постепенно утверждался принцип историзма, который воспринимался как базовый в мышлении историка.

В основе историзма лежит представление о постепенном, последовательном развитии общества и исторических явлений [2, с. 3]. В XIX веке метод историзма утвердился благодаря деятельности йенских (Ф. Шеллинг, А. Шлегель) и гейдельбергских (Л. Арним, К. Brentано) романтиков, занимавшихся сравнительно-историческим изучением мифологии, фольклора и литературы. Ф. Савиньи и К. Эйхгорн конструировали прошлое на основе принципа исторической преемственности. Параллельно с распространением микроисторических исследований к концу

XX века историзм из методологической практики превратился в формальную декларацию. Распространилось его прямое отрицание в связи с идеологическим неприятием возможных целей исторического развития. Провозглашались идеи о завершении мировой истории, возродились средневековые теории исторической цикличности.

Метод интуитивного переживания, приёмы «вчувствования в эпоху» и девинации практиковали историки XVIII и XIX веков. Ж. Мишле называл свою деятельность «воскрешением» прошлого. В 1940—80-е годы ряд немецких, французских и английских историков, решая проблемы методологии истории и критики исторических источников, обосновывали необходимость установления их достоверности. Т. Арнольд и Э. Фримен заявляли о важности исторической методологии как научной дисциплины. Их критиковали некоторые авторитетные историки, считавшие историческую методологию неустойчивой и субъективной.

Пытаясь освободиться от субъективизма и психологизма, историки искали объективные способы исследования. «Позитивный метод» истории утвердился во второй половине XIX века усилиями И. Г. Дройзена, Г. Моно и Л. Ранке. Он заключался в описании и систематизации проверяемых фактов. Объяснение строилось на интерпретации эмпирических данных, на точном воспроизведении прошлого по документам и устранении умозрительных конструкций.

В 1893 году Дройзен заявил, что следует прояснить цели исторической науки, её средства и принципы. Историки должны не просто собирать разрозненные факты, но и строить теории — воссоздавать устойчивые коллективные выражения людей, объединённых в этические сообщества для совместных рациональных действий в истории. В 1897 году вышла книга «Введение в изучение истории» Ш. В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, излагающая правила критики источников. Современники назвали её «библией позитивистского историзма». Авторы доказывали, что история пишется по документам, результирующим мысли и действия людей. При отсутствии документов нет истории, и ничто не может их заменить. Документы требуют критического рассмотрения. Историка необходимо обучать правильному поиску документов и навыкам работы с ними, в том числе при помощи вспомогательных исторических дисциплин. Исторический метод уязвимее непосредственного наблюдения, так как историк имеет дело не с фактами, а их восприятием авторов документа.

Он сам делает умозаключения исходя из личного опыта и системы ценностей.

Историческое сообщество раскололось в поиске предмета исторического исследования. Историк должен знать множество социально-экономических фактов. Лишь на этой основе он может рассуждать о закономерностях, логике исторического процесса — так считали позитивистски настроенные учёные. Им возражали сторонники Л. Ранке, изучавшие индивидуальную деятельность выдающихся личностей. Сторонники «коллективистского подхода» в истории настаивали, что научность невозможна без выяснения общих закономерностей исторического процесса. Представители «индивидуалистического подхода» говорили, что человеку недоступно установление общих закономерностей истории и поэтому необходимо ограничиваться установлением и описанием достоверных фактов. К. Лампрехт считал, что в истории влияют не отдельные личности, а массы, чьи действия определяются коллективной психологией и социально-экономическими факторами.

Споры о методах исторического исследования приобрели новое измерение после поставленного неокантианцами вопроса о принципиальном различии естественных и гуманитарных наук. В. Дильтей разделил науки о духе и науки о природе по предмету. Предмет наук о природе составляют внешние по отношению к человеку явления, изучаемые естественными науками. Их познавательная процедура — объяснение, предполагающее подведение частного феномена под общий закон. Науки о духе изучают человеческие отношения и внутреннее переживания. Они имеют специфический способ познания — понимание как постижение индивидуального через «эмпатию» и «вчувствование». В частности, через проникновение в духовный мир автора текста, неразрывно связанное с реконструкцией культурного контекста последнего.

Виндельбанд В. различал науки не по предмету, а по методу. Он делил научные дисциплины на номотетические и идеографические. Номотетические науки ориентированы на установление общих законов регулярных явлений. Идеографические направлены на изучение индивидуальных событий. Г. Риккерт, развивая идею Виндельбанда, заключил, что их отличие вытекает из разных принципов отбора и упорядочивания эмпирических данных. Естествознание направлено на выявление общих законов как априорных правил рассудка. А история занимается неповторимыми единичными явлениями. Историки «примеряли» концепты номотети-

ческого и идеографического к своему пониманию методов и задач исторического исследования. Р. Лакомб утверждал, что в истории есть номотетические построения. Л. Бурдо к повествовательному методу добавил статистический. Он полагал, что его применение приведет к обновлению истории [14, с. 411—412].

Выдающийся русский историк и методолог А. С. Лаппо-Данилевский синтезировал позитивистскую и неокантианскую традиции. Он создал оригинальную теорию исторической науки. Рассуждая о проблемах исторического факта, Лаппо-Данилевский отмечал, что историк работает не с собственными чувственными восприятиями, подвергая факты психологическому истолкованию, а с чужими впечатлениями, сохранившимися в остатках культуры и в традиции, данными в символической передаче. Поэтому историк прежде должен восстановить факт в полноте его элементов, а уже потом приступать к психологическому истолкованию. Историк строит образ событий, имея конструкцию для организации материала, извлеченного из источников и достроенного в результате догадок. Историк вынужден принимать гипотезы о мотивах действий исторических личностей исходя из косвенных намёков и анализируя совокупность условий принятия тех или иных решений. Соглашаясь с гипотезой, историк приписывает ей объективно-реальное значение и затем уже исходит из неё в своих дальнейших рассуждениях. Занимаясь изучением интересующего периода, историк должен иметь в виду общую историю человечества, её общее направление, многообразие эволюции, которое обнаруживается в едином историческом целом [14, с. 419—420, 430—432]. Фактически Лаппо-Данилевский сформулировал идеи о конструктивности исторического знания, конвенциональности и когерентности исторической истины. Но «будучи созданным на основе идеалистической философии, учение Лаппо-Данилевского оказалось сложнее для восприятия, чем «конкурирующие» с ним материалистические концепции» [24, с. 18].

Дискуссия о методологии исторических наук в отечественной традиции к началу 1930-х годов была пресечена в связи с утверждением марксистской парадигмы. Большинство старых учёных были вытеснены с профессионального поля, кроме принявших марксизм и его методологию, надиктованную партийными функционерами. Академической науке была навязана жёсткая схема исторического процесса — формационный подход. До начала 1960-х годов не было возможности проведения иных методологи-

ческих и философско-исторических поисков. Сфера деятельности историков была переориентирована на сбор фактов (краеведение, палеогеография, источниковедение) и локальные исследования в рамках косной интерпретации марксизма.

Некоторое оживление в отечественной методологии истории [10, 9, 17, 21, 26] в 1970—90-е годы произошло за счёт заимствования направлений западной историографии в марксистском преломлении. А. Н. Медушевская в 1975 году защитила докторскую диссертацию «Теоретические проблемы источниковедения», заложив тем самым новое обсуждение методологии исторического исследования и формирование проблематики когнитивной истории. По-видимому, ощущая себя продолжателем методологического подхода Лаппо-Данилевского, исследованию творчества которого она посвятила много работ, Медушевская разрабатывала видовую структуру корпуса исторических источников. Она обосновала тезис о том, что видовой подход в источниковедении позволяет получить зафиксированную в источниках информацию о социальных процессах на уровне «объективной истины». Источники содержат данные, которые следует отыскивать, типологизировать и интерпретировать. Не отдельный документ, а их видовая система позволяет целостно представить структуру исследуемой культуры в определённый исторический промежуток времени.

Ковальченко И. Д. адаптировал методологические принципы исторического материализма к историческому исследованию, разделил методы количественного и качественного анализа. «Всякий исторический анализ может быть либо содержательно-описательным (повествовательным), либо содержательно-количественным» [12, с. 325]. Качественный анализ направлен на раскрытие сущностно-содержательной, качественной природы явлений и на описание естественно-языковой их формы. Описательные методы эффективны при изучении индивидуальных событий. Количественный анализ выявляет и формирует систему численных характеристик изучаемых объектов и процессов, которые после математической обработки дают основу для содержательного анализа. Исторические законы и тенденции выявляются количественными методами. Применение математических методов и моделирования стало модой, должной вывести историю на более высокий теоретический уровень осмысления исторических процессов. «Математические методы необходимы не только для раскрытия закономерностей

исторического развития, которые проявляются в массовых процессах, но и для получения итоговых результатов тех отдельных событий, которые складываются из действий определённой совокупности индивидуумов, преследующих свои цели» [12, с. 334]. Монография Ковальченко, несмотря на её своевременность, объёмность и широту охвата поставленных задач, незначительно повлияла на формирование методологического сознания советских историков. Размытость изложения идей, тяжеловесные идеологическо-философские обоснования, декларативность и отсутствие показательных методов исследования сделали её малоэффективной. Моделирование в исторической науке оказалось трудноосуществимым. К началу 1980-х годов была успешной только одна работа этого направления — монография К. В. Хвостовой «Количественный подход в средневековой социально-экономической истории» 1980 года.

В начале 1990-х годов на волне отречения от марксизма и формационного подхода среди отечественных историков возник краткий интерес к проблемам методологии исторического исследования. Журналы «Новая и новейшая история» и «Вопросы истории» в 1991 и 1994 годах устроили дискуссии по проблемам исторической методологии, формационного и цивилизационного подходов. Общим итогом стало признание дополнительной этих подходов и провозглашение методологического плюрализма. Но глубокого переосмысления философских оснований и познавательных последствий не случилось. На место глобальной марксистской схеме исторической реальности пришла мозаика локальных историй.

Несмотря на новые перспективы применения количественных методов для установления закономерностей исторического процесса, в академической науке они используются лишь в локальных исторических исследованиях. Отрицательное отношение к обобщениям и исследованию больших исторических периодов влияет на выбор исследовательских микропроблем и построение локальных эмпирических моделей исторических событий. Историки при этом уверены, что в результате «конструируют такую сущностно-содержательную модель, которая адекватно отражает реальное в объекте изучения». Различие в понимании соответствия реконструкций и интерпретаций исторической реальности является причиной идейных конфликтов между историками и эпистемологами истории. Вовлечённый в такой познавательный конфликт Н. С. Розов так сформулировал проблему:

«Сами историки... занимаются именно построением эмпирических моделей (качественных концептуальных или квантифицированных), хотя, подобно мольеровскому герою, обычно не подозревают об этом, возвещая наивной публике и убеждая себя, что воссоздают («отражают», «реконструируют») саму «реальность». В действительности же вся историческая реальность явлений и процессов осталась в прошлом, исчезла, в настоящем же учёным доступны только материальные артефакты (прежде всего архивные документы, всевозможные записи и музейные экспонаты), а также воспоминания очевидцев недавнего прошлого. Стоит ли напоминать, сколь различны бывают эти эмпирические модели у разных историков» [23, с. 88].

Дискуссия о методах и результатах исторических исследований неизбежно выдвигает вопрос эпистемологического статуса исторического знания. Отечественные историки нередко пребывают в состоянии когнитивного диссонанса между стремлением реконструировать события «так, как это было» и верой в сущностное отличие истории как гуманитарной науки от наук естественных, дающей им право на экспертно-мастерскую интерпретацию.

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ИСТОРИИ В XX ВЕКЕ

Неокантианское деление гуманитарного и естественно-научного знания по предмету и методу, «право» на субъективность интерпретаций как норма исторического исследования транслируются в образовательной исторической традиции на протяжении всего XX века. Принятие или непринятие этой посылки стало отправной точкой эпистемологического осмысления специфики исторического знания. Это проявилось в концептуальном противостоянии редукционизма, исходящего из единства научного познания, и антиредукционизма, основанного на различении естественных и гуманитарных наук. Ведь последние всегда умозрительны и познаются исключительно интеллектом в процедурах понимания, описания и повествования. К редукционизму относится вся линия позитивизма и натурализованная эпистемология У. Куайна, а к антиредукционизму — герменевтическое, неокантианское и нарративистское направление в эпистемологии [7, с. 336—337].

Во второй половине XX века в эпистемологии исторического знания выделилось три больших направления [25, с. 244—247]. Аналитическое направление, в котором работали К. Гемпель, Э. Нагель и А. Данто, выявляло особенности исторического знания через анализ

структуры и логики высказываний исторических исследований. Были построены дедуктивно-номологическая и индуктивно-вероятностная модели объяснения. Нарративное, или постструктуралистское, направление, созданное М. Фуко и П. Веном, видит суть исторического знания в его текстуальности. Тексту приписывается особая реальность и автономность существования. Критерии истины формируются дискурсивно, поэтому историческая истина истолковывается когерентно. Историческая реальность совпадает с содержанием источника и с содержанием работы историка. В историческом исследовании главенствуют познавательная процедура понимания и дискурс-анализ. Экзистенциальное направление У. Дрея и Ф. Анкерсмита сосредоточено на экзистенциальном опыте историка и его влиянии на реконструкцию исторических событий. Историк эмпатически проникает в мотивы действующих исторических лиц и авторов исторических источников. Обобщая свои чувства до общего правила, он истолковывает поведение людей. Историческое объяснение, по Дрею, указывает на правильность и необходимость поступков в данных обстоятельствах.

Взгляды эпистемологов на проблему объективности исторического исследования могут быть диаметрально противоположны. Достижима ли формула объективности Ранке — представлять прошлое как «оно было на самом деле»? С одной стороны, признание многообразия истолкований нарративных текстов не предполагает исторической объективности. С другой стороны, позитивистская традиция количественных и качественных оценок событий и выделения закономерностей декларирует объективность исследования целью деятельности историка.

Тяготая к логическому эмпиризму, при изучении фундаментальной проблемы научного метода во «Введении в логику и научный метод» (1934) М. Коэн и Э. Нагель разработали гипотетико-дедуктивную модель объяснения для всех наук. Для истории это означает объяснение события как предопределённого некоторыми ранее установленными «регулярностями» развития общества. Поставлен вопрос обоснованности общего среди гуманитариев мнения о ненужности в истории гипотез, их дедуктивной разработки, проверки логических следствий. Исторические сведения о прошлом никогда не бывают окончательными и полными, поэтому делаемые на этих основаниях заключения имеют вероятностный характер. Историк широко использует гипотезы, опираясь на хроно-топо-

логические допущения, на предпочтение некоторых причинно-следственных связей из множества имеющихся, предполагая аутентичность исторических данных и подлинность источника. Суждения о прошлом формулируются согласованным и целостным образом. Существенное значение имеют систематические теории, в терминах которых объясняется прошлое. Поскольку человеческую историю составляет множество сложно учитываемых фактов, теории на их основе не могут быть столь же точно сформулированы, как в естественных науках. «Их нельзя с лёгкостью исследовать с помощью дедуктивного подхода, и, следовательно, их нельзя определённым образом верифицировать или опровергнуть... согласованные теории, которые, как кажется, являются противоположными друг другу, в действительности оказываются лишь дополняющими друг друга» [13, с. 464]. Но это не означает невозможность оценки доказательности и убедительности правдоподобных и вероятных умозаключений на основании свидетельств об имеющихся исторических событиях. Допускается некий общий закон или принцип, фиксирующий повторяющуюся модель абстрактных отношений, из которого посредством логики и материальных допущений выводятся следствия, могущие быть частично верифицируемыми. Необходимым постулатом научного метода является допущение о подчинённости законам или неизменным отношениям событий человеческой жизни. В истории эти общие законы, выведенные из небольшого объёма фактов, устанавливают отношения между отдельными абстрактными фазами, указывая «зазор» протекания событий. При этом историческое исследование всегда фиксирует уникальные и неповторяющиеся обстоятельства и действия людей, руководствующихся определёнными моральными соображениями и ценностями.

Оживлённое обсуждение проблемы объективности и исторического объяснения было инспирировано работой К. Гемпеля «Функция общих законов в истории» (1942). Гемпель настаивал, что в истории законы имеют то же значение, что и в естественных науках. Все частные случаи могут быть подведены под охватывающие законы, выражающие регулярности следующего типа: «В каждом случае, когда событие определённого типа П имеет место в определённом месте и в определённый момент времени, событие определённого типа С будет иметь место в том месте и в тот момент времени, которое определённым образом связано с местом и временем появления первого собы-

тия» [8, с. 16]. При объяснении из общего закона логической дедукцией выводится частное явление. Применение дедуктивно-номологической модели объяснения в истории встретило критику, так как она пренебрегала динамикой представлений людей о мире, будучи ориентированной на выявление неизменных, универсальных структур, влияющих на поведение. Объяснение как познавательная процедура подведения явления под общие законы оспаривалось. Историки не видели в своей науке таких общих законов.

Дрей У. в книге «Законы и объяснения в истории» (1957) отверг применимость дедуктивно-номологической модели объяснения в истории. Ведь люди имеют свободу воли, а общие законы истории не установлены. Здесь надо говорить о «принципе действия» как аналоге закона и «рациональном объяснении». Историк должен учитывать смысловую сторону действий людей и реконструировать мотивы их поступков исходя из их рациональности и способности к анализу. Историк должен отождествить себя с действующими лицами истории, обобщить свои чувства в общее правило и использовать последнее в качестве объяснительного принципа для истолкования действий людей. Но отследить с очевидностью связь действий и намерений человека затруднительно, поэтому «исследование действия» — это фикция, не решающая проблемы объяснения в истории и не ведущая к объективности исследования.

В 1963 году Гемпель раскритиковал концепцию Дрея в статье «Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении». Он писал, что объяснение поступка как рационального в данных условиях ещё не значит его необходимости. Люди не всегда руководствуются разумом. Гемпель предлагал два типа объяснения в исторической науке. Возможен дедуктивно-номологический вывод из знания предшествующих или сопутствующих условий и некоторых эмпирически проверяемых общих законов. Но также возможно индуктивно-вероятностное суждение, характеризующее ожидание индивидуального события в зависимости от множества событий, образующих базис объяснения. Событие может быть предсказано и объяснено либо с дедуктивной необходимостью, либо с индуктивной вероятностью. Конкретное событие никогда не может быть объяснено полностью. Но в основании важнейших методов исторического познания — приписывания смысла явлениям и их интерпретации — лежит использование общих закономерностей.

Огурцов А. П. нашёл причину неразрешимости этой дискуссии. Гемпель и Дрей опирались на разные онтологические схемы. Гемпель объяснял исторические события, а Дрей истолковывал индивидуальные поступки исторического лица [20, с. 150]. По сути, это разные уровни исторической реальности, связанные между собой, но требующие разных приёмов исследования.

В 1960—80-е годы эпистемологи рассуждали о познавательных процедурах, составляющих основу исторической науки (объяснение или понимание), о специфике методов исторического исследования, характере устанавливаемых законов и создаваемых конструкций или реконструкций. Традиции аналитической и герменевтической философии задали принципиально разные фокусы оценки этих вопросов.

Берлин И. в 1960 году в статье «История и теория. Понятие научной истории», тяготея в большей степени к оксфордской школе обыденного языка, чем к логическому эмпиризму, ввёл в англосаксонскую эпистемологию истории новые темы — различие факта и его понимания, а также ценностного плюрализма. Специфику методологии истории он видел в невозможности использования дедукции, индукции и эксперимента. Историческое исследование основано на наблюдении и интерпретации источников, а язык нестрог и метафоричен. Логические эмпиристы и марксисты принимают за законы симптомы регулярности, которые можно обнаружить в истории. Но их предсказательный эффект несравним с настоящими законами естественных наук. Исторические факты слишком разнообразны и многочисленны. Все попытки их систематизировать и классифицировать в схемы не оказываются эвристичными. Значение теорий в этих областях знания иное: «Задача учёного-естественника в том, чтобы быть теоретиком, т. е. в том, что он пытается подогнать факты под свою теорию; ибо это и есть его задача. Задача учёного-естественника в том, чтобы быть теоретиком, т. е. в том, чтобы формулировать доктрины — лучше истинные, чем ложные, но главное — доктрины; потому что естественная наука превращается в пустой звук, если не представляет из себя систематической связи теорий и учений, построенных с помощью индуктивных или дедуктивно-гипотетических методов или же с помощью какого-либо иного метода, который признан (считается логически безупречным, рациональным, апробированным и плодотворным) самыми компетентными специалистами в этой области... не вызывает со-

мнений, что если в истории мы склонны больше доверять отдельным фактам, чем общим гипотезам, из которых эти факты можно было бы вывести, как бы хорошо ни были они обоснованы, то в естественной науке мы чаще всего поступаем наоборот» [3, с. 38—39]. Историческое объяснение заключается не в описывании закономерностей поведения человека как участника исторического действия, а в понимании его как активного деятеля, преследующего определённые цели и взаимодействующего с другими людьми. Метод исторического понимания — это взгляд изнутри, вживание в сознание Другого, что требует сочувствия и воображения.

Вен П. в книге «Как пишут историю. Опыт исторической эпистемологии» (1971), выражая квинтэссенцию нарративного подхода, декларировал: «История — не наука, и ей не следует ждать чего-то особенного от других наук; она не даёт объяснений и не имеет метода... Что в действительности делали историки от Фукидида до Макса Вебера и Марка Блока, когда они отрывались от своих источников и переходили к «синтезу»?.. ответ на этот вопрос не изменился с тех пор, как две тысячи лет назад его нашли последователи Аристотеля: историки рассказывают о подлинных событиях, действующим лицом которых является человек; история — это роман, основанный на реальных событиях» [5, с. 6]. В истории не происходит прогресса метода, так как историческое объяснение не может ссылаться ни на один принцип, ни на одну постоянную систему, ведь «каждая интрига обладает своей особой структурой причинности, поэтому у историков-профессионалов гораздо меньше идей об истории, чем у любителей» [5, с. 133]. Единственное, что делает историк, — он объясняет, как происходило зарождение и развитие интриги, составляющей суть той или иной истории, в смысле эпизода и события, которое зафиксировано в каких-то документах. Историческое объяснение ничем не отличается от объяснений, которые используются в повседневной жизни или в художественных произведениях. Это повествование, в котором ясность приобретает за счёт хронологической расстановки событий и ссылки на источники.

Вригт Г. Х. попытался соединить аналитическую и герменевтическую традицию. Он разработал деонтическую логику норм и нормативных понятий, в основе которой лежит исчисление действий. Вригт определил действие как «поведение, к которому применимо подлинно телеологическое объяснение» [6, с. 119]. В науке сформировались две традиции объяснения:

аристотелевская — действует в гуманитарном знании и реализует целевое объяснение; галилеевская — реализована в естествознании и предполагает казуальное объяснение. Научное объяснение — это всегда причинное объяснение, то есть подведение индивидуальных случаев под гипотетические общие законы. В то время как телеологическое объяснение — это выявление намерений и целей действующих. Поэтому в истории не может быть обнаружено законов, которые выражают детерминации действий участников событий. Практический силлогизм является моделью телеологического объяснения, используемого в истории и социальных науках. Одна из его посылок указывает на некоторую цель действия, другая — на средства её достижения, а описание действия представляет вывод.

Вригт писал о необходимости понимания для объяснения в общественных науках. Понимание как интерпретация, то есть придание смысла событию, возникает при определении целей и интенций поведения человека. Понимание предшествует как казуальному (описание того, на что объект похож), так и телеологическому (описание того, что объект означает) объяснению. «Прежде чем приступить к объяснению, необходимо описать объект объяснения — экспланандум. Любое описание даёт представление о том, чем является объект рассмотрения. Если любой акт получения такого знания назвать «пониманием», то тогда, разумеется, понимание предшествует всякому объяснению — и казуальному, и телеологическому. Нельзя путать понимание того, на что объект похож, с пониманием того, что он подразумевает или означает. Понимание в первом смысле является предварительной характеристикой казуального объяснения, понимание во втором смысле — предварительной характеристикой телеологического» [6, с. 165]. В истории и социальных науках казуальные объяснения используются, но они подчинены другим типам объяснения. Казуальное объяснение в терминах достаточных условий отвечает на вопрос «Почему необходимо?», а казуальное объяснение в терминах необходимых условий — на вопрос «Как возможно?». Объяснения в истории имеют квазиказуальный вид, то есть отвечают на вопросы «Что?» и «Как возможно?».

В телеологической модели объяснения можно учесть рациональность участника исторического действия, который имеет некоторые цели, а также его нравственную природу — он руководствуется в своих поступках определёнными

ценностями. При этом количество средств, которыми он может пользоваться для осуществления целей и ценностей, некоторым образом ограничено исторической и социокультурной ситуацией, в которой он пребывает. В реальной практике исторического исследования используются обе модели объяснения — казуальная, когда отвечают на вопросы «Почему необходимо?» и «Как возможно?», и телеологическая, предполагающая обнаружение целей и ценностей, которыми руководствуются люди в своих действиях. Социальные нормы, присущие определённому периоду времени, которым люди неосознанно подчиняются, позволяют им выступать в качестве социальных законов. Это должно учитывать, пытаясь понять поступки и действия людей. Место законов как объяснительных принципов естествознания в истории и общественных науках занимают социальные нормы, культурные правила и ценности.

Линию познавательного релятивизма в исторической эпистемологии представляют постмодернисты. Х. Уайт утверждает, что исторические факты являются «сконструированными» теми типами вопросов, которые исследователь задаёт изучаемому явлению. Субъективность и неопределённость исследуемых исторических текстов-источников непреодолимы. Нет оснований предпочитать один способ реконструкции другому. Историческая реальность, запечатлённая в текстах-источниках, недоступна для понимания и объяснения, все реконструкции её обусловлены современными историку репрезентациями и состоянием культуры: «В каждой репрезентации исторических феноменов есть неизбежная относительность. Относительность репрезентации есть функция языка, использованного, чтобы описать и тем самым конституировать события прошлого как возможные объекты объяснения и понимания» [29, с. 37].

Идея тотальной субъективизации познавательного процесса отразилась в рассуждениях П. Рикёрта и Й. Рюзена. Рикёрт утверждал, что степень достоверности исторической реконструкции зависит от интерпретации и стремления к правдивости. Историк должен быть ориентирован на читателя, в котором живёт гражданин, требующий правды и критичности как готовности опровергнуть собственную память. Рюзен сформулировал идею «новой объективности» — историческая интерпретация зависит от культурного дискурса и социальной жизни, в рамках которых создается исторический нарратив. «Объективность» состоит в учёте перспектив в интерпретации исторического опыта. Объектив-

ность исторической интерпретации предполагает разнообразие различных взглядов, соотносимых с различными идентичностями, которые могут соединяться как комплементарные. Плюрализм точек зрения историков есть проявление исторической объективности.

Очевидно, что не такой результат предполагали получить эпистемологи, начиная в конце XIX века дискуссию о специфике естественного и исторического знания, размышляя о перспективах превращения истории и социальных наук в дисциплины со строгими правилами доказательности и достоверности. Спор между редуccionистами и антиредуccionистами о природе исторической науки, познавательных процедурах, методах и доказательстве остаётся открытым.

ОЦЕНКА ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО СТАТУСА ИСТОРИИ

Определение статуса исторического знания для эпистемологии истории принципиально. Какой концепции науки соответствует история — «сильной» или «слабой»? В естественных науках реализована «сильная» версия организации науки, что предполагает содержательную определённость понятийно-методологического аппарата, развитые теоретические объяснения (имеющие объяснительный и прогностический эффект), наличие чётких критериев оценки качества доказательств и аргументации. В историческом сообществе нет консенсуса в отношении понятий и методов, преобладают эмпирические обобщения и описания, нет развитого теоретического компонента. Критерии оценки научного продукта здесь имеют субъективный характер. Доказательность расценивается как «соответствие» имеющейся традиции, базисные основания которой легендарны и некритично усваиваются в период профессиональной социализации. «Историческое познание в его современной профессиональной форме не обладает теорией, приближающейся к требованиям эпистемологического идеала. Вместе с тем историческая наука целиком соответствует слабой версии науки и располагает большим объёмом теоретических знаний» [22, с. 135].

Есть ли возможность и перспектива реорганизовать историю так, чтобы она стала «сильной наукой»? Есть ли в историческом знании развитые теории? Какова перспектива достигнуть согласия относительно качества получения и проверки исторических фактов, аутентичности исторических данных, исторических объяснений?

Очевидное отличие естественных наук и истории, которое кажется непреодолимым, —

невозможность опытного воспроизведения исследуемой ситуации и отсутствие объективных измерений. Отчасти это компенсируется тем, что исследователь может найти некие постоянные, регулярно воспроизводящиеся действия, которые становятся объектом изучения. В исторических источниках фиксируется, а затем изучается деятельность людей, выполняющих относительно сходные социальные действия в определённых ситуациях. Когда исследователь ищет такие идентичности в источниках — он формулирует функциональные зависимости, устанавливает эмпирические закономерности в социальной, политической и культурной сферах общества.

Объяснение в истории должно включать понимание и подведение под охватывающие законы исследуемого явления, в котором принимают участие значительные группы людей. Его модель можно представить, например, так:

«(1) Для всех x , если x есть A и находится в ситуации C , то x делает B с вероятностью p .

(2) x есть A .

(3) x считает, что находится в ситуации C .

(4) x делает B с вероятностью p » [18, с. 236].

Люди определённой социальной группы для получения некоторого результата в некоторой ситуации поступают преимущественно определённым образом, исходя из усвоенной системы социальных норм и ценностей. Рассматриваемый субъект принадлежит к данной социальной группе и понимает, что находится в определённой ситуации. Из этих посылок дедуцируется вывод о вероятности его действий. Такую схему объяснения О. А. Назарова называет дедуктивно-нормативной, имея в виду, что место естественного закона в качестве объяснительного принципа занимает социальная норма. Такая модель объяснения сочетает индуктивно-вероятностную и телеологическую схему. Ключевым остаётся возможность возникновения понимания как условия оценки действий участников исторических событий.

Не описывая сложный путь осмысления проблемы понимания в течение XX века, выделим несколько важных результатов, необходимых для уяснения того, что в историческом исследовании используется не только процедура понимания, но и объяснения. Понимание и объяснение — это две взаимосвязанные познавательные операции. Первая имеет всегда личностное измерение, а вторая обеспечивает выведение личного обнаруженного смысла на интересующий уровень при помощи дедуктивно-

номологических, индуктивно-вероятностных, гипотетико-дедуктивных и дедуктивно-нормативных моделей объяснения. В процессе интерпретации исследователь обретает ощущение очевидности, ясности смысла в отношении изучаемых объектов. Понимание — это базовая познавательная операция обнаружения смысла объекта, который рассматривается как текст или знаковая система. Понимание формируется в ходе истолкования или интерпретации. Смысл может быть внутренне присущ тексту или знаковой системе, и тогда он восстанавливается — реконструируется. Смысл может быть трансцендентен тексту-объекту и предписываться исследователем — конструируется. Например, в гуманитарных науках интерпретация текстов есть обнаружение, считывание зафиксированных смыслов. В естественных науках интерпретация как логическая процедура направлена на выявление обозначений абстрактных терминов, их «физического смысла», а также представление абстрактной теории с помощью другой, эмпирический смысл которой был ранее установлен [16, с. 298]. Процессы конструирования и интерпретации взаимосвязаны в понимании. Это такие процессы, «в которых мы нечто как определённое идентифицируем и реидентифицируем, применяя к нему предикаты и обозначения, что-то приписываем, конструируем связи, классифицируем путём разделения на классы и затем применительно к мирам, сформированным таким образом, получаем мнения, убеждения и обоснованное знание» [1, с. 375].

Есть ли в исторической науке развитые теории с объяснительным и предсказательным эффектом? Большинство историков скептически относятся к теориям, предписывающим, что следует исследовать и какие репрезентации создавать, выходя за пределы конкретного историко-культурного контекста. Считают, что историк не должен при описании и интерпретации конкретных исторических событий опираться на заранее сконструированное суждение, составляющее основу исследования. Некоторые эпистемологи полагают, что у исторической науки теории всё-таки есть и, следовательно, в истории реализуется сильная версия науки. Каждый историк, независимо от того, осознаёт он это или нет, является носителем определённых философско-теоретических идей. Они формируются как продукт личной истории и опыта историка, усваиваются как метафизические основания его деятельности. Кроме того, занимаясь описанием фактов и выбирая те или иные источники для исследования, историк подразумевает неко-

торую общую картину — гипотезу, на основе которой происходит отбор источников и извлечение фактов. Историк принимает гипотезу и строит возможную модель, которую проверяет, исследуя и обнаруживая факты, подтверждающие или опровергающие его модель. Если положительных фактов, как он полагает, оказывается достаточно — модель считается возможной и правдоподобной. История не строится только на индуктивных описаниях. Существенную роль играет генерализация и гипотетико-дедуктивное моделирование. «Генерализация в общественных науках в принципе отличается от генерализации в естествознании — она имеет более локальный характер и ограничивается рамками данного общества, культуры и т. д. Это служит объективной основой для представления о том, что в исторической науке генерализация вообще невозможна, — историки, в отличие от представителей большинства естественных наук (за исключением, естественно, антропологов) имеют дело не с одним, а с многими обществами и культурами, и уложить их все в рамки единой научной теории практически невозможно (такие универсальные концепции разрабатываются только в субстанциальной философии истории). Но в любом случае какая-то генерализация или обобщения, выявление неких закономерностей или устойчивых (типичных, часто повторяющихся) связей в рамках данного общества являются неизбежными. Невозможно написать серьёзное историческое исследование, не используя при этом никаких общих понятий, категорий, концепций или терминов, которые и являются генерализациями того или иного рода» [25, с. 236]. Идеальные объекты в исторической науке создаются путём выделения повторяющихся исторических фактов. Повторяемость указывает на законосообразность изучаемого. Если имеется репрезентативный массив источников, то возможно выделить закономерности, которые проверяются на нерепрезентативных массивах. Если отсутствует выход за вероятностное поле возможных событий, то закономерность признаётся правдоподобной.

Обладают ли исторические законы признаками универсальности и инвариантности или же они есть только тенденции, воплощающие исторические причинности? Даже если исторические законы выражают некоторые устойчивые причинно-обусловленные связи, действующие в определённых социально-экономических обстоятельствах и периодах, они не перестают быть законами. Функции общих законов — объяснение и предсказание. Они устанавливаются на

основании некоторых общих эмпирически проверяемых регулярностей, касающихся достаточно больших общественных групп. Кроме того, в историческом объяснении используются законы, взятые из других наук: естественно-научные законы используются для объяснения в археологии, этнографии, источниковедческой экспертизе; психологические законы применяются для объяснения действий людей как типичных представителей определённых религиозно-этнических, политических и социальных групп.

Отрицание единства и детерминированности исторического процесса, наиболее агрессивно и радикально выраженное в критике «историцизма» К. Поппером, приводит к мозаичности взгляда на общественные явления и низводит историю до уровня частных, фрагментарных повествований. Принятие этой идеи для историка, чья наука смогла стать научной дисциплиной только благодаря осознанию её основоположниками идеи историзма, означает профессиональную дисквалификацию. Чтобы установить причинно-следственные связи, характерные для общественной жизни, историк должен иметь представление об экономических, технико-технологических, политических, психологических и социальных законах, действующих в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Накопленный за последние два века эмпирический материал, зафиксированный в большом количестве сохранившихся источников, даёт возможность для выявления таких закономерностей. То есть при формулировании исторических законов уже можно, как и в естественных науках, идти по пути начального установления эмпирической зависимости, а потом её теоретического обоснования. Так преодолевается претензия о гегелевской метафизичности исторических законов, которые вначале формулируются исходя из философско-доктринальных соображений авторов, а затем иллюстрируются примерами.

В исторической практике присутствуют как описательные, так и объяснительные процедуры. Даже на уровне «извлечения» информации из данных присутствует не только описание, но и оценка «качества» этих данных. Критика источника должна определять датировку, атрибуцию и аутентичность. Критика источника опирается на имеющуюся у историка систему теоретических представлений и образцов. Здесь происходит отбор «релевантных» данных исходя из ожидаемой «нужности» заключённой в них информации. Если данные не укладываются в имеющиеся концептуальные схемы, то они отвергаются или «забываются», что считается

вполне нормальными «издержками концептуализации» любого серьёзного исторического исследования [25, с. 252—253].

Историческая периодизация выполняет функцию теоретического знания. Она задаёт определённую классификацию и типологию, особым образом систематизирует материал, фиксирует внимание исследователей на определённых событиях и задаёт «ракурс» исследовательского взгляда. Именно принятая Глобальная периодизация — т. е. созданное пространственно-временное поле — определяет границы исторической реальности и диктует то, как будут «вписываться» в неё обнаруживаемые источники и подчиненные по отношению к ней гипотезы. «Научный опыт историка носит по преимуществу интеллектуальный характер. Он состоит из чтения определённого круга источников или работы с другим историографическим материалом. При изучении источников у историка может возникнуть гипотеза, позволяющая связать определённые сведения о прошлом в последовательность событий и фактов. Это понимание «что именно происходило» и «как на самом деле происходило историческое событие» — и есть первичный исторический опыт. Но историк не в силах его провести, если у него отсутствует идеальная схема координат, которую с одной стороны задаёт ему историко-событийная шкала Всеобщей истории (её он получает в результате учёбы в рамках профессионального сообщества), а с другой — представления о неизменности первичных элементов, действующих в координатах этой шкалы (эти представления он получает от представителей других дисциплин в рамках получения своего образования). Представление о данной шкале с развитием исторической науки изменяется» [4, с. 68]. Глобальная периодизация — это то, что в меньшей степени является предметом целенаправленного размышления историков. Во-первых, потому что имеет конструирующее значение для воспринимаемого образа исторической реальности. Во-вторых, из-за некритичного усвоения в период профессиональной социализации знание об основных вехах хронологии в сознании историка приобретает «априорный» статус, образуя своего рода метафизические основания его профессионального мышления.

Вполне вероятно, что историческая наука может со временем достигнуть состояния «сильной науки», если будет проведена радикальная ревизия методологического аппарата и теоретических схем, имеющих значение метафизических оснований в мышлении историков.

Необходимо чёткое осознание, что в истории есть онтология исторических событий, которая обезличена, и установление действующих в ней законов коренится в области социологии и экономики. А также есть онтология индивидуально-исторического деятеля и групп таких деятелей, исследование действий которых возможно через использование психологии и политологии. Кроме того, есть онтология материального уровня исторической культуры, изучение которого требует от археолога и культуролога обращения не только к специфическим методам вспомогательных исторических дисциплин, но и знания техники и технологии производственных процессов. Модели объяснения — гипотетико-дедуктивная, дедуктивно-номологическая, индуктивно-вероятностная и телеологическая не исключают друг друга, а взаимно дополняют, если правильно понимать область их приложения. Историк должен отвечать в исследовании на весь спектр вопросов, начиная с «как», «что», «когда» и продолжая «почему», «с какой целью», «согласно какому правилу», «исходя из каких возможных соображений».

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ НИГИЛИЗМ ИСТОРИКОВ

В течение XX века эпистемологи системно описали условия и средства познавательной деятельности в исторической науке. Но между представлениями об исторической реальности, специфике исторической работы и методике исторического исследования «рядового» историка и мнениями об эволюции исторической методологии и тенденциях в исторических дисциплинах эпистемологов, изучающих методологическое сознание историков, есть заметное различие. А. П. Огурцов отметил, что «между реальной научной деятельностью и самосознанием учёных существовал разрыв, который преодолевался весьма сложными и извилистыми путями, прежде всего демонстрацией того, что научная деятельность учёного связана с иными методологическими регулятивами и нормами, чем те, которым он отдаёт предпочтение в своём самосознании» [19, с. 250]. В историческом сообществе разрыв между нормами научно-исследовательской деятельности и их осознанием выражен особенно ярко.

Отечественные историки, рассуждающие о специфичности исторического знания, в своих убеждениях зачастую парадоксально сочетают марксистские, неокантианские, герменевтические и постмодернистские идеи. Они неосознанно принимают слабую версию исторической науки и не желают переводить её в более силь-

ную версию. Деятельность историков, за редким исключением, состоит в обнаружении и реконструкции малозначительных исторических событий и фактов, вписывающихся в уже имеющуюся более общую систему исторических описаний. При этом модные веяния западной историографии, исторической эпистемологии и философии истории, причудливо преломившись в сознании историков, породили своеобразный исторический конструктивизм.

Например, К. В. Хвостова полагает, что историческое знание принципиально отличается от математического и естественно-научного: «В историческом знании отсутствуют аксиомы; отсутствует правило выведения заключений из посылок, из аксиом; отсутствуют точные понятия — они зависят от субъект-объектной корреляции, от мировоззрения историка, иногда от политических взглядов, от акцентировки проблем изучения. В истории совершенно иной характер имеет истина. Истина... зависит от соответствия, прежде всего, выводов данным и от уровня знания. Вот это последнее понимание истины характерно для исторического и, очевидно, для всякого другого гуманитарного знания» [11, с. 484—485]. По её мнению, методология истории — это особая дисциплина, в которую входит комплекс проблем теоретической истории и размышления о методах, которые использует историк. Если историк занимается проблемами методологии, то он должен делать это на конкретном историческом материале.

Фролов Э. Д. в статье «Парадоксы исторической науки» много написал о своеобразии предмета истории, но очень мало — о её методах. Подчеркивается антиномичность работы историка: «Событие подлежит восстановлению на основе исторических свидетельств, источников, но волею, мыслию и фантазией самого историка. Отсюда проистекает наличие в любом историческом труде двух противоположных по своей сути, но дополняющих друг друга моментов — реального и идеального. Нет нужды пояснять, что эта антиномия присутствует и на следующем этапе работы, при интерпретации, научном истолковании факта, причём удельный вес идеального, т. е. привносимого в материал волею историка, еще более возрастает. Это придаёт особую пикантность занятиям историка, который, опираясь на различные свидетельства, идучи, так сказать, по следу, сам лепит образ и осмысляет значение происшедшего в прошлом» [27, с. 231—232].

Фролов красноречиво описывает роли, в которых приходится выступать историку: «ан-

тиквара — собирателя фактов, конструктора-фантаста и художника». Но где гарантия того, что созданный историком продукт не есть, в сущности, художественное творчество, а описанная им историческая реальность нигде, кроме как в его сознании, больше не присутствует? Судя по всему, ответом может быть рассуждение Фролова о мастерстве историков, приобретаемом в приобщении к традиции исторического исследования. Субъективизм историка неизбежен, но его профессионализм является залогом того, что реконструкция и интерпретация фактов будет достоверной.

Размышляя об историческом исследовании и особенностях исторического знания, профессиональные историки часто демонстрируют малую осведомлённость о глубоких исследованиях по эпистемологии исторического знания второй половины XX века. Методологическое сознание среднего представителя исторического сообщества мало оформлено. Нежелание размышлять о методологии исторического исследования, онтологическом статусе исторической реальности и критериях истинности в историческом исследовании — их сознательный выбор.

Рассуждая о критериях оценки исторических работ, И. М. Савельева и А. В. Полетаев выделяют значение качества использованных источников, проверяемых «критикой», и профессионализма историка, представляющего эту проверку и дающего интерпретацию фактов. Они сообщают, что выработана «разветвлённая система прямой и косвенной оценки уровня квалификации авторов», начиная «со свидетельств о профессиональном образовании, прослушанных курсах и успеваемости и кончая научными степенями и членством в различных профессиональных обществах. С этой системой тесно связана идентификация по месту работы и занимаемой должности — общий уровень того или иного учреждения много говорит о квалификации работающего в нём учёного. О степени компетентности автора свидетельствует список его предшествующих публикаций и отзывов на них (от рецензий до системы ссылок)» [25, с. 266].

Можно допустить, что так устроено историческое сообщество, и так судят многие историки. Тогда с очевидностью проступает проблема отсутствия объективных критериев, подменённых статусной оценкой автора, и регресса критериев обоснования исследовательской работы.

Наблюдается двойственная ситуация — с одной стороны, признаются все аспекты субъективизации результата исследования. А именно — конвенциональность исторической истины,

зависимость исторического исследования от личной системы ценностей, опыта и познавательного сообщества, которому принадлежит учёный, а также от его ожиданий. С другой стороны, полученное знание объявляется единственно возможной истиной, претендуя на объективизм.

Есть монографии, анализирующие уровень осмысления методологических проблем современными отечественными историками [15, 28]. А. В. Лубский и Л. Р. Хут отмечают, что с конца 1980-х годов отечественное историческое сообщество очутилось в состоянии глубокого идентификационного кризиса — как идеологического, так и теоретико-методологического. С устранением базовой марксистской парадигмы возник методологический вакуум, заполняемый заимствованием тенденций западной историографии. Расширяется поле микроисторических исследований. История вытесняется краеведением. Исследовательская жизнь историков отличается низким уровнем осознания своих методологических практик и причин их предпочтения: «Методологические разделы кандидатских, а часто, увы, и докторских диссертаций похожи друг на друга как близнецы-братья. Знакомый до боли «джентльменский набор»: принцип историзма, принцип объективности и ещё, может быть, системный подход с коротенькими бесцветными комментариями по поводу их значения для разработки конкретной темы...» [28, с. 96—97]. Проводимые среди историков опросы показывают, что большинство из них полагают, что «историк» и «методолог» — это разные профессии, а историку опасно обращаться к проблемам методологии без риска «сойти с эмпирической тверди» и оказаться в зоне абстрактных схем. Среди историков популярно мнение Б. А. Романова: «Заниматься методологией — всё равно, что доить козла».

Есть ряд причин методологического нигилизма. В первую очередь любая методология общественных наук продолжает напоминать о недавнем идеологическом господстве научного коммунизма. Компьюльсивное избегание навязываемой извне идеологии вызывается неизжитым страхом перед государственным регулированием гуманитарного творчества, подавляющим научную идентичность. Но помимо этого, может проявляться желание карьерного продвижения на бесспорном научном материале, рождающее склонность к описательным микроисторическим исследованиям без глубокой методологической рефлексии. Рабочие методы в этом случае ученически усваиваются в подражании обще-

признанным образцам и в повторении неотрефлексированных алгоритмов. Есть подозрения, что оригинальные исследования не вызовут одобрения коллег. А при решении исключительно парадигмальных задач отсутствует необхо-

димость совершенствования методологии. Приложение значительных усилий для освоения современных достижений эпистемологии с непредсказуемым результатом при такой стратегии видится неэффективным.

Литература

1. Abel G. Was ist Interpretationsphilosophie? / цит. по: Касавин И. Т. Конструктивизм / И. Т. Касавин // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. — М. : Канон+, 2009. — С. 373—377.
2. Барг М. А. Эпохи и идеи: становление историзма / М. А. Барг. — М. : Мысль, 1987. — 348 с.
3. Берлин И. Подлинная цель познания. Избранные эссе / И. Берлин. — М. : Канон+, 2002. — 800 с.
4. Блюхер Ф. Н. Философские проблемы исторической науки / Ф. Н. Блюхер. — М. : ИФРАН, 2004. — 195 с.
5. Ван П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии / П. Ван. — М. : Научный мир, 2003. — 394 с.
6. Вригт Г. Х. Логико-философские исследования : избр. тр. / Г. Х. Вригт. — М. : Прогресс, 1986. — 600 с.
7. Вышегородцева О. В. История / О. В. Вышегородцева // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. — М. : Канон+, 2009. — С. 335—338.
8. Гемпель К. Логика объяснения / К. Гемпель. — М. : Дом интеллектуальной книги, 1998. — 237 с.
9. Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем / В. А. Дьяков. — М. : Мысль, 1974. — 190 с.
10. Источниковедение: теоретические и методические проблемы : сб. ст. / отв. ред. С. О. Шмидт. — М. : Наука, 1969. — 511 с.
11. Хут Л. Р. Интервью с К. В. Хвостовой от 30 марта 2009 г. / Л. Р. Хут // Хут Л. Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX—XXI веков / Л. Р. Хут. — М. : Изд-во «Прометей», 2010. — С. 482—493.
12. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. — М. : Наука, 1987. — 440 с.
13. Коэн М. Введение в логику и научную философию / М. Коэн, Э. Нагель. — Челябинск : Социум, 2010. — 655 с.
14. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории : в 2 т. / А. С. Лаппо-Данилевский. — Т. 2. — М. : РОССПЭН, 2010. — 632 с.
15. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования / А. В. Лубский. — М. : Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005. — 352 с.
16. Микешина Л. А. Интерпретация / Л. А. Микешина // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. — М. : Канон+, 2009. — С. 298—299.
17. Мионов Б. Н. Историк и математика. Математические методы в историческом исследовании / Б. Н. Мионов, З. В. Степанов. — Л. : Наука, 1976. — 184 с.
18. Назарова О. А. Судьба идей К. Гемпеля во второй половине XX века / О. А. Назарова // Гемпель К. Г. Логика объяснения / К. Г. Гемпель. — М. : Дом интеллектуальной книги, 1998. — С. 221—237.
19. Огурцов А. П. Развитие методологического сознания учёных XIX века и проблемы методологии науки / А. П. Огурцов // Методология науки: проблемы и история. — М. : ИФРАН, 2003. — С. 242—341.
20. Огурцов А. П. Философия науки: двадцатый век: концепции и проблемы : в 3 ч. Часть третья: Философия науки и историография / А. П. Огурцов. — СПб. : Изд. дом «Мирь», 2011. — 336 с.
21. Пронштейн А. П. Методика исторического исследования / А. П. Пронштейн. — Ростов н/Д. : Изд-во Ростовского ун-та, 1971. — 468 с.
22. Ракитов А. И. Историческое познание: системно-гносеологический подход / А. И. Ракитов. — М. : Политиздат, 1992. — 303 с.
23. Розов Н. С. Теоретическая макросоциология и эмпирическая история: возможен ли продуктивный диалог? / Н. С. Розов // Журн. социологии и социальной антропологии. — 2010. — Т. 13, № 4. — С. 86—91.
24. Румянцева М. Ф. Александр Сергеевич Данилевский / М. Ф. Румянцева // Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории : в 2 т. / А. С. Лаппо-Данилевский. — Т. 1. — М. : РОССПЭН, 2010. — С. 5—22.
25. Савельева И. М. Теория исторического знания / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. — СПб. : Изд-во «Алетейя. Историческая книга», 2007. — 523 с.
26. Фёдоров-Давыдов Г. А. Статистические методы в археологии / Г. А. Фёдоров-Давыдов. — М. : Высш. шк., 1987. — 216 с.
27. Фролов Э. Д. Парадоксы исторической науки / Э. Д. Фролов // Сфинкс, или Мифология бытия : сб. ст. / под ред. Л. И. Акимова. — М. : Изд. центр «Полёт Джонатана», 2012. — С. 228—240.
28. Хут Л. Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX—XXI веков / Л. Р. Хут. — М., 2010. — 702 с.
29. White H. Historical Emplotment and the Problem of Truth // Probing the Limits of Representation. Nazism and the «Final Solution» / Ed. Saul Friedlander. — Cambridge, 1992. — P. 37—53.

EPISTEMOLOGICAL UNCERTAINTY OF HISTORY

N. G. Baranetz

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
 altatyana@mail.ru

A. B. Verevkin

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
 altatyana@mail.ru

The article deals with the evolution of methodological consciousness of historians in the 19–20th century. It presents the change of research strategies caused by substituted philosophical beliefs. The originality and relevance of the methodological conception of A. S. Lappo-Danilevsky is revealed. The authors study the development of the methodology of history and epistemology of history in different cognitive communities since 1940s — namely by the historians and epistemologists of history. The paper analyzes the reasons of various understanding of historical objectivity and the methods of explanation by K. Hempel and U. Drem. The epistemologists I. Berlin, G. H. Vright, E. Nagel helped to give the ample description of the conditions and means of cognitive activity in historical science. The authors reveal the "Gap" between the historians' perceptions of historical reality, specifics of historical work and the methods of the historical research and how epistemologists who study the methodological consciousness estimate the evolution of historical methodology and the tendency in historical disciplines. It is noted that the freight of fears of ideological influence in Russian historical community is not still overcome. The distrust in macro-historic theories which increased in 90s of the XX century resulted in micro-historic studies of descriptive character which did not involve a special methodological reflection. The article reveals the reasons of methodological nihilism peculiar to Russian historians.

Key words: epistemology of history, historical community, criticism of a source, weak and strong versions of historical science, historical fact, explanation, understanding, historical objectivity, historical constructivism, methodological consciousness, methodological nihilism.

References

1. Abel G. (2009) Was ist Interpretationsphilosophie? / Kasavin I. T. Constructivism // Encyclopedia of epistemology and philosophy of science. Moscow, p. 373–377.
2. Barg M. A. (1987) Epohi i idei: stanovlenie istorizma [Epochs and ideas: the formation of historicism]. Moscow: Mysl, 348 p.
3. Berlin I. (2002) Podlinnaya tsel poznaniya [The real goal of knowledge]. Moscow: Kanon+, 800 p.
4. Blyukher F. N. (2004) Filosofskie problem istoricheskoy nauki [Philosophical problems of historical science]. Moscow: IFRAN, 197 p.
5. Wang P. (2003) Kak pishut istoriyu. Opyt epistemologii [How they write a story. Experience of epistemology]. Moscow: Nauchnyj mir, 394 p.
6. Wright G. H. (1986) Logiko-filosofskie issledovaniya [Logical-philosophical research]. Moscow, 600 p.
7. Vyshegorodtseva O. V. (2009) Istoriya [History]. Encyclopedia of epistemology and philosophy of science. Moscow, p. 335–338.
8. Hempel C. (1998) Logika objasneniya [The logic of explanation]. Moscow, 237 p.
9. Dyakov V. A. (1974) Metodologiya istorii v iroshlom i nastoyashchem [Methodology of history in the past and present]. Moscow, 190 p.
10. Shmidt S. O. (1969) Istochnikovedenie: teoreticheskie i metodicheskie problem [Source studies: theoretical and methodological problems]. Moscow: Nauka, 511 p.
11. Khut L. R. (2010) Teoretiko-metodologicheskie yproblem izucheniya istorii novogo vremeni v otechestvennoy istoriografii rubezha XX–XXI vekov: intervju s K. V. Hvastovoy ot 30 marta 2009 g. [Theoretical and methodological problems of studying the history of modern times in the domestic historiography of the turn of the XX–XXI centuries: Interview with K. V. Khvastovoy from March 30, 2009]. Moscow, p. 482–493.
12. Kovalchenko I. D. (1987) Metody istoricheskogo issledovaniya [Methods of historical research]. Moscow, 440 p.
13. Cohen M., Nagel E. (2010) Vvedenie v logiku i nauchnyu filosofiyu [Introduction to Logic and Scientific Philosophy]. Chelyabinsk: Sotsium, 655 p.
14. Lappo-Danilevsky A. S. (2010) Metodologiya istorii: v 2 t. [Methodology of history: in 2 volumes]. Moscow: ROSSPEN, Vol. 2, 632 p.
15. Lubsky A. V. (2005) Alternativnye modeli istoricheskogo issledovaniya [Alternative models of historical research]. Moscow: Sotsialno-gummanitarnye znaniya, 352 p.
16. Mikeshina L. A. (2009) Interpretatsiya [Interpretation]. Encyclopedia of epistemology and philosophy of science. Moscow: Kanon+, p. 298–299.
17. Mironov B. N., Stepanov Z. V. (1976) Istorik i matematika. Matematicheskie metody v istoricheskom issledovanii [The historian and the mathematician. Mathematical methods in historical research]. L.: Nauka, 184 p.
18. Nazarova O. A. (1998) Sudba idey K. Gempelya vo vtoroy polovine XX veka [The fate of the ideas of K. Hempel in the second half of the twentieth century]. The logic of explanation. Moscow: Dom intellektualnoy knigi, p. 221–237.

19. Ogurtsov A. P. (2003) Razvitie metodologicheskogo soznaniya uchenyh XIX veka i problemy metodologii nauki [Development of methodological consciousness of scientists of the XIX century and the problem of methodology of science. Methodology of science: problems and history]. Moscow: IFRAN, p. 242—341.
20. Ogurtsov A. P. (2011) Filosofiya nauki: dvadtsatyj vek: kontseptsii i problemy: v 3 ch. Chast tretja: Filosofiya nauki i istoriografiya [Philosophy of Science: the twentieth century: Concepts and problems: In 3 parts. Part Three: Philosophy of Science and Historiography]. St. Petersburg: Mir, 336 p.
21. Pronshtein A. P. (1971) Metodika istoricheskogo issledovaniya [Methods of historical research]. Rostov-on-Don: Izd-vo rostovskogo un-ta, 468 p.
22. Rakitov A. I. (1992) Istoricheskoe poznanie: sistemno-gnoseologicheskij podhod [Historical knowledge: system-gnoseological approach]. Moscow: Politizdat, 303 p.
23. Rozov N. S. (2010) Teoreticheskaya makrosotsiologiya i empiricheskaya istoriya: vozmozhen li produktivnyj dialog [Theoretical macrosociology and empirical history: is a productive dialogue possible?]. Journal of Sociology and Social Anthropology, Vol. 13, (4), p. 86—91.
24. Rumyantseva M. F. (2010) Aleksandr Sergeevich Danilevskiy [Alexander Sergeevich Danilevsky]. Methodology of history: in 2 v-s, V. 1, Moscow: ROSSPEN, p. 5—22.
25. Savelieva I. M., Poletaev A. V. (2007) Teoriya istoricheskogo znaniya [Theory of historical knowledge]. St. Petersburg: Aletya. Istoricheskaya kniga, 523 p.
26. Fedorov-Davydov G. A. (1987) Statisticheskie metody v arheologii [Statistical methods in archeology]. Moscow: Vysshaya shkola, 216 p.
27. Frolov E. D., Akimova L. I. (2012) Paradoksy istoricheskoy nauki. Sfinks, ili mifologiya bytiya [Paradoxes of historical science. Sphinx, or the mythology of being]. Moscow: Polet Dgonatana, p. 228—240.
28. Khut L. R. (2010) Teoretiko-metodologicheskie problemy izucheniya istorii novogo vremeni v otechestvennoy istoriografii rubezha XX—XIX vekov [Theoretical and methodological problems of studying the history of modern times in the Russian historiography of the turn of the XX—XXI centuries]. Moscow, 702 p.
29. White H. (1992) Historical Emplotment and the Problem of Truth // Probing the Limits of Representation. Nazism and the "Final Solution" / Ed. Saul Friedlander. Cambridge, p. 37—53.